
А. Н. ВАСИЛЬЕВ

**ИЗ АРХИВА Е. Ч. СКРЖИНСКОЙ (О ПОЛЕМИКЕ
ДВУХ ВИЗАНТИНИСТОВ ПО ПОВОДУ КОММЕНТИРОВАНИЯ
ПУБЛИКУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

Архив известного отечественного медиевиста и источниковеда Елены Чеславовны Скржинской¹ — самый большой по объему среди личных фондов, хранящихся в Архиве СПбИИ РАН (842 ед. хр.). Переписка Е. Ч. Скржинской — самая объемная часть всего фонда (283 ед. хр.). Этот раздел фонда представляет значительный общественный и научный интерес для историков науки, культуры и истории России и, разумеется, для изучения биографии самой Е. Ч. Скржинской.² Все письма можно разделить на три группы. Первая: переписка с родственниками и близкими знакомыми. Помимо биографических данных эти письма представляют собой ценный источник по истории русской интеллигенции. Следует иметь в виду, что в письмах родственникам (к сестре Ирине в первую очередь) содержится много сведений о научной и производственной сферах жизни Е. Ч. Скржинской, описываются взаимоотношения с коллегами, сообщается об атмосфере в тех институтах, где ей приходилось работать. Вторая, сравнительно большая группа писем: от случайных знакомых (например, от соседей по дому отдыха, санаторию, попутчиков в поезде), от соседей по коммунальной квартире и др. Третья группа: переписка с учеными, главным образом медиевистами, а также со специалистами по другим отраслям исторической науки. Среди адресатов и корреспондентов: Д. Бенцони, А. А. Васильев, Б. Т. Горянов, О. А. Добиаш-Рождественская, И. С. Дуйчев, С. А. Жебелев, Г. Капессова, А. Латтес, Г. Г. Литаврин, А. Н. Макаров, А. И. Нусыхин, Г. А. Острогорский, М. Я. Сюзюмов, М. А. Тиханова-Клименко, З. В. Удальцова, А. И. Хоментовская, П. Н. Шульц и др.

¹ Архив СПбИИ РАН, ЗЕС, ф. 14.

² Упомянем мимоходом, что в описи 4 (Материалы родственников Е. Ч. Скржинской: документы семей Головиных, Скржинских, Ковальских) значительное место также занимает переписка: из 241 ед. хр. 141 ед. хр. — письма.

Среди множества научных проблем, волновавших Е. Ч. Скржинскую, весьма болезненной была проблема научного комментирования. Позиция Е. Ч. Скржинской в подходе к работе с источником неоднозначно принималась ее оппонентами. Это порой выливалось в довольно глубокую дискуссию, которая, в частности, нашла отражение в переписке. Отдельные из этих писем мы и предлагаем в настоящей публикации.

В 1956 г. появилась работа Е. Ч. Скржинской, посвященная «Истории» Олимпиодора, дошедшей до нас в передаче патриарха Фотия в составе его «Библиотеки».³ Автор V в. Олимпиодор описал события 407–425 гг., происходившие в Западной Римской империи во время правления Гонория. Ярко представлены такие личности, как Стилихон, Аларих, Галла Плацидия, дочь византийского императора Феодосия I и жена правителя везеготов Атаульфа.

При общей высокой оценке работы Е. Ч. Скржинской, как можно об этом судить по письмам к ней ее коллег, комментарий к тексту, его обширность и обстоятельность вызвали возражения, в частности, московского византиниста Бориса Тимофеевича Горянова,⁴ позиция которого, как пишет он сам, не называя имен, отражала мнения и некоторых других исследователей. Приведем выдержки из полемики между ними, о содержании которой можно судить по сохранившимся письмам.

Полемика эта носила принципиальный характер — письмо должно быть комментарий к публикуемому памятнику; актуальна она и сейчас. Начало же полемики восходит к 30-м гг., когда Е. Ч. Скржинская готовила работу о «Поэме о версонских вилланах»⁵ и столкнулась с неприятием своего комментария. О. А. Добиаш-Рождественская, редактор сборника, в который предназначалась публикация, решительно воспротивилась историческому комментарию, составленному Е. Ч. Скржинской, правда, предложив своей ученице перенести комментарий в «Предисловие» (письма О. А. Добиаш-Рождественской от 1 и 10 августа 1934 г.; см.: Архив СПбИИ РАН, ЗЕС, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 120; далее при цитатах указаны опись и ед. хр. этого фонда).⁶

5 мая 1956 г. Б. Т. Горянов писал: «Внимательно ознакомился с Вашей публикацией, напечатанной в VIII томе [Византийского времени-

³ «История» Олимпиодора (в записях и выборках Фотия). Перевод // ВВ. М., 1956. Т. 8. С. 223–276.

⁴ Б. Т. Горянов (1897–1977) — историк — славист и византинист, специалист по истории средневековой Болгарии и славяно-византийских отношений, автор монографии «Поздневизантийский феодализм» (М., 1956), доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, затем старший научный сотрудник Лен. отделения Института истории АН СССР, после 1963 г. — на пенсии, один из инициаторов возобновления издания «Византийского временника», отв. секретарь I т. «ВВ».

⁵ Опубл.: Скржинская Е. Ч. Поэма о версонских вилланах. Сельское хозяйство северной Франции // Агрικультура в памятниках западного средневековья. Переводы и комментарии / Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. Л., 1936. С. 163–184.

⁶ Судя по объему и характеру комментариев, Е. Ч. Скржинская не вняла совету научного редактора и своего учителя.

ка]. Она поражает тщательностью, огромностью, широтой комментария. Но мне показалось все-таки, что в этом отношении Вы допустили некоторую гипертрофию. Ваши отдельные примечания разрастаются в целые исследования, кроме того, мне показалось, что Вы включили в отдельных случаях много таких сведений, которые должны быть известны читателям такого специального журнала. Здесь должен быть учтен характер комментария в связи с планами нашей серии подобных публикаций. А так как Ваша публикация появилась № 1, то невольно равнение будет на нее. Надо будет еще тщательно продумать, что следует давать в комментариях и без чего можно обойтись» (оп. 3, ед. хр. 101).

8 мая Е. Ч. Скржинская отвечает своему корреспонденту: «Я намеренно сделала комментарий... максимальным по объему. Цель была двоякая — а) *поработав, оживить* весьма лаконичный, дошедший до нас в самой скудной форме, источник; я убеждена, что кто бы к нему ни обращался, смог бы подойти к тексту Олимпиодора только таким, „проработывающим“ путем; б) *дается все* (что я на своем уровне смогла), *относящееся к каждой частице* этого источника, невзирая на то, что некоторым „потребителям“ (так выразился П. Н. Третьяков)⁷ одно, другое, третье и знакомо. Я имела в виду, что берущий в руки текст-перевод получит *все* объяснения, не должен будет лазить за справками, будет иметь перед глазами много, что можно привлечь — там <...> выберет себе нужное. Поэтому я не побоялась некоторых повторений: ведь такие источники не читаются с начала до конца, а берутся по ссылке, частями <...> К этим моим соображениям о полноте, подробности комментария необходимо добавить нечто довольно шекотливое. Теперь, в наше время, очень трудно сказать, что известно (или должно быть известно), а что неизвестно, или малоизвестно. Не говоря уже о том, что самые ученые издания в наш век и в нашей стране всегда должны быть направлены и на широкий круг *интересующихся* читателей <...> Я думаю, что и для представителей учености многое „простое“ («обще»-известное) было бы полезно. Что греха таить — *общая (по специальности)* образованность бывает порой довольно низка <...> Увы, *увы* <...> сия беда глубока и долговременна. Тыкать на нее нельзя — слишком много виновных, слишком пошатнулся процесс образования, и не скоро еще все наладится» (оп. 3, ед. хр. 11).

12 мая — новое письмо Б. Т. Горянова: «Мы на днях говорили об обсуждении Вашей работы об Олимпиодоре. Особенно важно обсудить характер комментария. Поскольку предполагается издание целой серии подобных работ, необходимо тщательно преподавать всем участникам

⁷ П. Н. Третьяков (1909–1976) — специалист по славянской археологии и истории, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР (1952), автор более 100 научных работ, в том числе монографий, посвященных происхождению и древнейшей истории восточных славян. Занимался также историей западных и южных славян, первобытной археологией Восточной Европы и эпохой Древней Руси.

серии исчерпывающие указания о том, что должно явиться составными частями комментария, что должно и что не должно в нем содержаться. Я внес предложение, чтобы была разработана инструкция или памятка, которая была бы роздана каждому составителю комментария. Дело очень серьезное, и здесь надо добиться единообразия. Если считать, что изданный покойным М. В. Левченко⁸ Агафий⁹ в какой-то степени может рассматриваться как начало этой серии, то ведь его комментарий по своему характеру не имеет ничего общего с Вашим <...> Я не говорю уже о том, что в печатавшихся в „Виз. Вр.“ публикации чрезвычайно различны по своему характеру, здесь безраздельно царствует полный разнород. Я не собираюсь оспаривать значение Вашего комментария. Это настолько ценный труд, который может вызвать только восхищение. Но он потребовал настолько огромной работы, что на него вряд ли сможет равняться какой-либо другой составитель комментария. Кроме того, мне кажется, что мы стали бы заблуждаться, если бы поверили в то, что наша серия получит, по третьяковскому выражению, широко-го „потребителя“. В этом лучшим доказательством моих опасений (их справедливости) служит судьба наших томов „Виз. Вр.“, про которые издательство постоянно жалуется, что они плохо расходятся, затовариваются и в значительных количествах лежат мертвым грузом на базах „Академкниги“, несмотря на их незначительный тираж. А это обстоятельство, т. е. расчет не на широкого „потребителя“, а на узкий круг специалистов с добавлением в лучшем случае какого-то количества учителей, студентов (с учетом их низкой покупательской способности) и редких любителей исторической научной литературы, — все это не может не наложить свой отпечаток и на характер комментария к каждому выпуску задуманной серии» (оп. 3, ед. хр. 101).

15 мая следует ответ Е. Ч. Скржинской: «Относительно характера комментария я во многом с Вами согласна, может быть, надо делать его не короче (это противное в этом случае слово — «покороче»!), а общее. Откровенно же говоря, комментарий к Агафию, к Никифору,¹⁰ тем более к Прокопию¹¹ сделан — на мой взгляд — так: что в ту минуту комментатор знал, то и объяснил, чего не знал — пропустил, а о запросе (боже упаси — максимальном!) потребителя (всякого, и сейчас, и через 100 лет) ни секунды не помышлял. Еще необходима оговорка: этот

⁸ М. В. Левченко (1890–1955) — историк-византист, профессор, доктор исторических наук; в 1940–1944 гг. — директор ЛОИИ СССР АН СССР, в 1944–1950 гг. — зав. кафедрой византиноведения ЛГУ.

⁹ *Агафий Миринейский*. О царствовании Юстиниана / Перевод, статья и примеч. М. В. Левченко. М.; Л., 1953. 221 с.

¹⁰ Имеется в виду перевод Бrevиария Никифора. См.: *Литвиц Е. Э.* Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия (перевод с греческого) // ВВ. М.; Л., 1950. Т. 3. С. 349–387.

¹¹ Очевидно, речь идет об изданиях, осуществленных С. П. Кондратьевым (*Прокопий Кесарийский*. 1) Тайная история // ВДИ. 1938. № 4. С. 271–360; 2) О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С. 203–298; 3) Война с готами. М., 1950. 516 с.

именно источник — Олимпиодор — особенно требует комментирования: ведь он „изуродован“ (не нарочно, конечно) конспектом, в виде которого ему пришлось попасть в наши руки. На самом деле, я уверена, он был очень богат и подробен — и — если бы дошел до нас полностью, — говорил бы сам за себя. Я хотела проявить некое „искусство“ историка, обрабатывающего такой сухой, костлявый, худосочный, полумертвый текст. И если будут еще такие тексты, надо их осмыслять только так» (оп. 3, ед. хр. 11).

Б. Т. Горянову не удалось убедить оппонента в своей правоте,¹² и вскоре представился случай продолжить дискуссию, так как Е. Ч. Скржинская подготовила для обсуждения новую обширную работу, посвященную «Гетике» Иордана. 25 октября 1957 г. Б. Т. Горянов пишет: «Ваш комментарий буквально потрясает своей грандиозностью. Чтобы охарактеризовать ее, достаточно сопоставить число страниц текста (перевода) и комментария. Но вот — нужно установить, следует ли объяснять известные любому студенту названия, как Лузитания, Балеарские острова, нужно ли в издании с тиражом максимум 2 1/2 тыс. и, ergo, рассчитанном на специалистов, пояснять, кто такой Тацит, Страбон etc; я взял лишь отдельные примеры, их можно дать очень много <...> Конечно, многие экскурсии, занимающие нередко по три-четыре и более страниц, являются каждый целым исследованием. Но — нужно ли стремиться в каждую такую статью включить все, что Вы *можете* сказать, или следует ограничить и исключить то, что, скорее всего, этим двум тысячам читателей знакомо. Мое давнее предложение — разрабо-

¹² Что же касается комментария к Олимпиодору, то отметим, что современный исследователь П. В. Шувалов — редактор переиздания работы в 1999 г. в виде отдельной книги (*Олимпиодор Фиванский. История / Перевод с греч., вступ. статья, коммент. и указатели Е. Ч. Скржинской; Под ред П. В. Шувалова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. 234 с.*) счел нужным подчеркнуть: «Комментарии Е. Ч. Скржинской к тексту Олимпиодора (и других источников — например, Иордана) характеризуются стремлением не только облегчить читателю понимание комментируемого источника, но и дать развернутую картину событий той эпохи, которая описана в источнике. Поэтому часто отдельные комментарии Е. Ч. Скржинской разрастались до больших экскурсов, достойных самостоятельной публикации. В результате комментарий становился фактически самостоятельным научным произведением, организованным, правда, без видимо логической последовательности, если не считать последовательность комментируемых отрывков. С другой стороны, из поля зрения Е. Ч. Скржинской иногда выпадали при комментировании вопросы, связанные со структурой и композицией самого текста источника. Иногда оставались непрокомментированными упоминания в источнике отдельных второстепенных исторических деятелей. Однако эти очевидные недостатки перекрывались научной ценностью огромного числа оригинальных наблюдений, за которыми скрывается целостное восприятие исторических событий. Е. Ч. Скржинская, будучи в первую очередь историком, комментировала скорее события и сам дух эпохи, отраженный в источнике, нежели чем отдельные тонкости публикуемого текста (что было бы более свойственно филологу). И в этом, наверное, и состоит причина того, что работы Е. Ч. Скржинской уже не один десяток лет по-прежнему притягивают к себе читателей» (Там же. С. 6–7). И здесь же: «Лучшим комментарием [Олимпиодора] до сего дня из доступных нам остается комментарий Е. Ч. Скржинской» (Там же. С. 41; см. также «Римляне и варвары в комментариях Е. Ч. Скржинской». Там же. С. 12–17).

тать инструкцию или „положение“ для всех комментаторов — до сей поры не подхвачено и не реализовано <...> Я только хочу еще раз со всей категоричностью подтвердить, что тот объем, уровень, качество комментария, который лежит на моем столе... — *никто из наших сотрудников* поднять не сможет...» (оп. 3, ед. хр. 101).

2 ноября следует ответ: «Согласна с тем, что грубо общеизвестные вещи не надо включать в комментарии, что относительно них надо производить и, по-видимому, еще произвести отбор. Мне об этом уже говорили, правда — не указывая ничего, кроме Суллы. Не согласна с тем, что все, что известно, не должно присутствовать в исследовательской работе: во-первых, этого обойти невозможно, во-вторых, пребывает неизвестным, что у нас (а русская работа в первую очередь делается для читателя СССР) известно, а что неизвестно <...> важен „угол“, под которым то или иное объясняется. Вы правы, что странно объяснять, кто такой был Тацит, — но надо объяснить, кого имел в виду Иордан, говоря о Корнелии, и на какое произведение Корнелия он опирается. Может быть, большинство, увы — конечно, не все! знают о Балеарских островах: незачем объяснять все же, где они находятся и кем населены, но есть смысл указать, что Орозий, из которого черпал Иордан, называет эти острова, а также Помпоний Мела. Оба автора служили источником для Иордана <...> Теперь относительно обширности, подробности комментария. Я уверена, что составитель комментария *обязан* к этому стремиться. В сумме его подробных разъяснений таится возможность игры, сверкания источника, его смысла и замысла, вообще — его ценности. Откинуть, в данном случае, легче, чем искать — в случае надобности — более широких разъяснений. Учитывать же удобство лиц, стремящихся полегче и побыстрее охватить тему, „не загрузить“ себя — этим удобством можно и пренебречь. Как Вы не совсем правы, предполагая хорошие познания у любого студента (я не собираюсь особенно ему помогать, но возвеличивать его культуру время еще не пришло). Так, Вы не правы и в том, что работой, подобной моей об Иордане, будут пользоваться 2,5 тыс. людей, по числу выпускаемых экземпляров. Такой подсчет неверен <...> Относительно же перспектив комментирования Константина Порфирородного и Иоанна Кантакузина¹³ скажу следующее. В сем тонком деле (в обработке источника) у каждого историка есть свой подход, обусловленный и разными интересами, и разными идеалами работы, и разной степенью старания, и многим другим. Вы сделаете по-своему, достаточно ученый М. В. Левченко делал по-своему, и вовсе не ученый Кондратьев¹⁴ тоже осмелился делать по-своему.

¹³ Речь идет о работе Б. Т. Горянова по подготовке этих источников к изданию.

¹⁴ С. П. Кондратьев (1872–1964) — филолог-классик, переводчик античных авторов (Аппиана, Ксенофонта, Лонга, Павсания, Прокопия Кесарийского, Филострата, Флавия Вегеция Рената, Овидия, Плиния Младшего, Цицерона, Галена, «Жизнеописаний Августов» и многих других), автор учебников и хрестоматий по античной литературе; характеристика С. П. Кондратьева, данная Е. Ч. Скржинской, представляется субъективной и не является, на наш взгляд, адекватной заслугам ученого.

Одно только скажу: я убеждена, что было бы научной небрежностью высшей марки, если De adm. Imp. будет издано *не* с максимальным комментарием. Это — основоположенный источник, именно у нас и для нас он должен быть комментирован полно и разносторонне. Произведения Кантакузина, конечно, допускают более сжатый комментарий. Во всей своей работе я более всего ценю вводную статью, затем стоивший мне многих с годами выяснявшихся — переделок и улучшений перевод. Комментарий же хуже остального, прежде всего потому, что в руках одного человека он не мог вырасти равномерным и равноценным. В нем есть части, старательнее проработанные, много безразличных частей (хотя в меру сил выверенных) и немало, верно, недостаточных и поверхностных частей. Но, Вы сами понимаете, охват материала в труде Иордана весьма широк...» (оп. 3, ед. хр. 11).

Е. Ч. Скржинская не смогла переубедить своего оппонента. В письме от 10 ноября он пишет: «Никак не могу согласиться с тем, что комментарии к различным авторам внутри одной и той же серии могут отличаться большим разнообразием. Ведь тогда в чем же будет проявляться серийность подобных публикаций! Только в оформлении, названии, нумерации, одним словом, во внешних признаках? Надо, чтобы лица, которые будут привыкать пользоваться комментарием, усвоили бы его характер. Сопоставления 2–3 комментариев позволили бы им создать себе ясную картину, понять, что можно и чего нельзя искать в комментарии, понять дух комментария. Если Ваш комментарий выйдет в свет одним из первых, наш читатель усвоит себе, что в комментарии *можно найти все*, и, перейдя к другим комментариям, получит горькое разочарование, ибо такого обширного, порою исчерпывающего комментария, кроме Вас, не в состоянии написать *ни один* из нас, без всяких исключений. Вообще по полученной „школе“, по методике поисков рядом с Вами можно поставить лишь М. Я Сюзюмова,¹⁵ ибо, кроме Вас и его, никто не имел таких учителей (я имею в данном случае в виду лишь византистов). Особо хочется остановиться на комментарии к „De adm. Imperio“ Const. Porph... Когда я приступил (после перевода) к комментированию, я убедился в том, что если комментарий делать в какой-либо степени исчерпывающий, то это — работа многих, многих лет. Вообще мне кажется, что эта работа не под силу одному человеку¹⁶ <...> если делать этот комментарий по примеру Вашего, то его закончат в лучшем случае мои внуки...» (оп. 3, ед. хр. 101).

¹⁵ М. Я. Сюзюмов (1893–1982) — историк-византист, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Уральского гос. университета, автор перевода «Книги эпарха», один из авторов трехтомной «Истории Византии» (10 глав написаны им).

¹⁶ Впоследствии этот источник был издан в переводе Г. Г. Литаврина и под его редакцией; в комментировании принял участие большой коллектив авторов (*Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Текст, перевод, коммент.; Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосильцева. М., 1991. 496 с.).

Оба исследователя остались каждый при своем мнении, и в 1960 г. работа Е. Ч. Скржинской вышла с посвящением «Памяти учителя — Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской».¹⁷ В книге объемом в 436 страниц комментарий занимает около 20 печатных листов (с. 183–364).¹⁸

Появление «Гетики» Иордана стало для Е. Ч. Скржинской важным этапом в жизни: на основании ее 1 декабря 1961 г. была защищена докторская диссертация в Институте археологии АН СССР. Оппонентами выступали академики С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров, доктор исторических наук А. И. Неусыхин; искомая степень была присуждена единогласно (оп. 2, ед. хр. 9).

Для того чтобы показать значение труда Е. Ч. Скржинской, предоставим слово специалисту. А. И. Неусыхин в своей рецензии на книгу отмечал, что издание сочинения Иордана, «впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собой большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения <...> Комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д. В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках <...> Возможность такого самостоятельного решения научных контроверз и уточнения ряда выводов исторической науки проистекает из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агиографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии). Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знатоком которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей <...> в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментариев к Иордану превра-

¹⁷ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

¹⁸ Для сравнения: статья «Иордан и его *Getica*» — с. 11–61; латинский текст и перевод — с. 65–182.

тился в большой исследовательский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также изменений в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов. Большая научная заслуга Е. Ч. Скржинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи...».¹⁹ Это мнение было высказано в 1963 г., но не утратило верности и сегодня. О том, что работы Е. Ч. Скржинской выдержали проверку временем, свидетельствует и второе издание Иордана в 1997 г. (в котором учтены изменения и дополнения, сделанные автором в последовавшие за первым изданием годы),²⁰ как и второе вышеупомянутое издание Олимпиодора.

RESUME

Le sujet de l'article est en rapport avec la polémique épistolaire entre les savants byzantinistes — Helene Skrjinskaja (St.-Petersbourg) et Boris Gorgjanov (Moscou). La discussion avait le caractère principal parce qu'elle est concernée des principes de la publication des documents historiques. Le thème actuel pour la plupart des historiens est présenté par l'auteur qui maintenant prépare la description complète des Archives d'une des participants de la polémique.

¹⁹ *Неусыхин А. И.* [Рец. на 1-е изд. «Гетики»] // ВВ. М., 1963. Т. 23; цит. по переизданию рецензии во 2-м издании Иордана: с. 462–464.

²⁰ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. 506 с. Очевидно, можно спорить по поводу перевода отдельных мест Иордана, писавшего на неклассической латыни, так же как и сомневаться по поводу некоторых предположений, выводов, высказанных в комментариях, однако едва ли допустимо огульное неприятие всей работы в целом, как это содержится в высказывании А. Н. Анфертьева, сделанном мимоходом и без какого-либо обоснования: «Комментированное издание русского перевода (Скржинская. Иордан) содержит ошибки и не отвечает современным требованиям» (*Анфертьев А. Н.* Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 98). И совсем неуважительным по отношению к памяти Е. Ч. Скржинской представляется утверждение Анфертьева о «неправдоподобных интерпретациях Скржинской», приведенного в качестве примера комментариев № 111 (Там же. С. 134). Для сравнения приведем мнение другого современного исследователя («о великолепном комментарии Е. Ч. Скржинской») (*Болгов Н. Н.* Письменные источники по истории позднеантичного Северного Понта: позднеантичные тексты III–VI вв. // Античный мир: материалы научной конференции. Белгород, 1999. С. 128, примеч. 15).